

Я пасла коз и сидела на траве. Коз у нас осталось всего пять, они разбрелись по склону и, наверное, ни о чем не думали, кроме травы и сочного клевера.

Земля уходила вниз, под склоном тихо журчала речка, на другом берегу на высоком холме стоял поселок. Дальше начинался лес. Собственно, он не начинался, а продолжался, он был и за моей спиной, вздымался темными кронами, окружал поселок и поле, и уходил дальше.

Мне всегда казалось, что мир состоит из одного сплошного леса. Но дядя, который жил в соседнем поселке, рассказывал, что далеко на юге есть степь. Это огромное поле, от восхода до заката солнца, которое можно возделывать вечно. Дядя был там.

Поселок состоял из двух больших общинных домов и несколько маленьких сараев. В домах были печи, в сараях мы хранили инструмент, овощи и зерно, и еще зимой держали скотину. Они не топились, топить такие маленькие помещения было слишком затратно.

Был мой дядя, моя сестра Нока, другой дядя с женой, их сын Велф и я — все, кто остался после мора. Болезнь поразила людей много лет назад, погибли все поселки вдоль реки, у нас умерли две бабки, трое моих дядьев с женами, две тети с мужьями, мои родители и все дети, человек двадцать. Мы каждый день молились Небу и Земле. Болели все, и мы, те, кто остался, тоже. А потом болезнь вдруг исчезла. Отец говорил, что нам помогла Земля. Только те, кто выжил, стали бесплодными.

Я недавно была посвящена Земле, меня провели над костром, и это означало, что я стала взрослой. Мне нужно было сойтись с юношей из другого поселка и переселиться в дом его семьи, но теперь это было невозможно. Мы редко говорили об этом. Мне казалось, что мы — последние люди в мире.

Холодными зимами я носила старую шубу своей бабушки из бобрового меха, теплые меховые сапоги и шапку. Сейчас было лето. Не то, чтобы было очень тепло, часто шли дожди, но я не мерзла. Из одежды я носила только старенькое посеревшее платье. Обувки в теплый сезон я не носила вовсе, мои ноги привыкли и к колкой траве и к камешкам, подошвы ног у меня были темные и задубевшие. Иногда и зимой, чтобы дойти до сарая, до другого дома или сходить по нужде, я ленилась обуваться и выбегала босиком. Было холодно, но я этого не боялась.

Я любила ласкать себя. Я делала это часто, в доме ночью, в сарае или здесь, за поселком. Я стыдилась этого, и об этом не знал никто, кроме сестры. Ее я почему-то не смущалась, наверное, потому, что она сама это делала. Она была старше меня. Часто мы с ней уходили в лес, садились на землю, задирали подошвы платьев и делали это, глядя друг на друга. Она говорила, что это от того, что у нас нет мужчин.

Сейчас, сидя на склоне, я снова принялась делать это, я гладила груди под платьем и терла пальчиком бугорок в промежности. Это был волшебный бугорок, я долго и быстро терла его, а потом наступали сладкие мгновения блаженства, и моя промежность брызгала теплыми струйками.

Я хорошо запомнила этот день. Вечером, когда я вернулась с козами, был семейный совет. Я не застала его начала, но говорили обо мне. Все сидели за лавками с двух сторон от стола. Дядя Вад сказал, что я не справлюсь сама, и Велф тоже. Брат сидел тут же, он молчал, как и Нока. Младшим, тем более не состоящим в браке, следовало помалкивать, когда говорили старшие. Нока очень странно на меня смотрела, в ее взгляде было что-то среднее между

жалостью и насмешкой.

— В любом случае, они выросли, и нужно принимать решение, — сказала тетя, жена дяди Вада.

— Мы должны идти на юг, причем все вместе, а это затруднит переходы, — сказал дядя Аген, — Свесор, сядь, — сказал он мне.

— Хватит, сколько раз я это уже слышу? — сказала тетя. — На юге нет ничего, твой брат был сумасбродом и любил всякие байки. Вад, ты со мной?

Ее муж кивнул.

— Два против одного. Велф, ты понял, что делать?

Парень кивнул.

— Свери, сядь на стол, — сказала она мне.

Я недоуменно посмотрела на нее, но залезла на стол.

— Сними платье, оно будет мешать.

— Я... нет!

Я тогда испугалась, я почему-то подумала, что они как-то прознали про мое рукоблудство и хотят проверить это, а потом наказать меня.

— Давай, не спорь!

Сгорая от стыда, я стащила платье через голову, прикрыла руками груди и волосы на лобке и зажала ноги.

— Велф, — сказала тетя.

Велф тоже залез на стол и, стоя на коленях, спустил штаны. На мгновение я увидела его член и тут же опустила глаза. Я уже пару раз видела мельком член дяди Вада, когда он писал.

В общем, я закричала.

Тетя встала и отняла мою руку от груди.

— Он должен видеть тебя. Так это делается.

— Я не хочу! — крикнула я и попробовала слезть со стола, но тетя удержала меня за руку.

Она изменила требовательный тон на свой обычный нравоучительный, и стала говорить, что я, кроме покоса травы, ничего не делаю, что семья все дает мне, а отдавать тоже надо, а если надо, значит надо. Я послушно уступила.

Она мягким толчком в плечо уложила меня на спину. Кто-то подложил мне под голову деревянный брусок. Мое лицо, кажется, побледнело от ужаса и стыда. Все видели мои груди, мои бедра, мой живот. Даже плечи и колени нельзя обнажать. Не считаются зазорным открывать только ноги ниже колена, руки до середины плеч и голову, если ты не замужем. Я же была полностью обнажена при всей семье. У меня была стройная мягкая фигура, небольшие груди, бледная кожа и бледно-розовые сосочки. Я не совсем понимала, что происходит, но догадывалась.

Велф уперся одной рукой в стол и навис надо мной. Другой рукой он попытался раздвинуть мои плотно сжатые колени. Я как-то смешно заскулила. Тетя похлопала по моей ягодице, и я с ужасом раздвинула ноги.

— Шире. Потрогай ее, — сказала она Велфу.

Он положил свою мягкую ладонь мне между ног и ощупывал там все. Я неотрывно со страхом смотрела на его член. Он казался мне огромным, хотя это было не так, он был бардовым и покачивался, а на его кончике, над маленькой щелочкой, висела большая прозрачная капля.

Он погладил мои груди, и соски тут же встали. Они сморщились, немного потемнели и вытянулись вверх. От этого мой стыд стал еще сильнее.

Велф снова оцупал мою промежность, и засунул в меня свой член. Я мгновенно поняла, что он делает. Я плохо себе это представляла, слышала только какие-то обрывочные сведения, но сейчас я сразу поняла, что это.

Я закричала. Тетя прикрыла мне рот ладонью и держала так руку. Он двигался во мне, и мне было больно. Потом боль немного ослабла. Ладонь тети пахла потом, и этот запах успокоил меня.

Он задержался, и я ощутила горячую струю в себе. Он вынул свой член и слез со стола. Я, голая, продолжала лежать перед всеми. Они стали молча расходиться. Тетя велела мне перевернуться на живот. Она взяла прут и принялась наказывать меня за непослушание. Она стегала меня по попе и по ногам. Я закусила губу, уткнулась лицом в сложенные руки и гортанно стонала. Она порола меня последний раз много лет назад.

Когда она вышла, я надела платье, и залезла под лавку. Я лежала там, свернувшись калачиком, и тихо скулила от боли и ужаса. Меня больше никто не трогал. Ночью они пришли спать. Нока легла на лавку надо мной. Она шепнула мне:

— Если ты от него не понесешь, дядьки попытаются.

Я долго лежала и не могла уснуть.

Я продолжала выполнять свои несложные обязанности, но теперь я почти не разговаривала ни с кем и перестала заниматься рукоблудством. В ответ на мою угрюмость тетя говорила, что я еще ничего не понимаю, что я буду благодарна, когда рожу.

Лето кончилось, началась осень, потом первые снега. Со мной ничего не происходило. Когда тетя сказала об этом за ужином, я решила не дожидаться.

Ночью я собрала в платок немного хлеба. Я не нашла своей шубы и ботинок и поняла, что их спрятали, предвидя мой побег. Ничьей другой одежды тоже не было.

Я заплакала и выбежала на улицу в одном платье. Холод схватил меня и пробрался под платье. Я побежала. Я спотыкалась о бугорки и канавки застывшей глины в проходах между постройками.

Я распахнула ворота и побежала вниз по склону.